

Хуа Чжаошуй уже собрался уходить, но вдруг вернулся и осторожно произнес:

— Молодой господин, если я случайно усну, пожалуйста, разбудите меня. Я тут же проснусь.

Шэн Цзяньвэй лишь кивнул, не придав этому значения.

Хуа Чжаошуй снова заговорил:

— Тогда... молодой господин, могу я лечь в постель в нижнем белье?

На этот раз Шэн Цзяньвэй обернулся, его выражение лица стало забавным.

— А как еще ты хотел лечь?

— Я подумал, что после целого дня в дороге верхняя одежда, возможно, не совсем чистая, — ответил Хуа Чжаошуй с серьезным видом. — Поэтому я лучше лягу только в нижнем белье.

— Как хочешь, — Шэн Цзяньвэй тут же потерял интерес и снова отвернулся.

Хуа Чжаошуй, впрочем, не обратил внимания на перемену настроения молодого господина и радостно отправился греть постель. Лежа на кровати, он обнаружил, что она действительно намного мягче, чем его постель на полу.

Тот, кто должен был греть постель, уснул, едва коснувшись кровати. Когда Шэн Цзяньвэй закончил свои дела и подошел к кровати, он увидел, что Хуа Чжаошуй свернулся калачиком в углу. Это совсем не походило на то, что он грел постель для кого-то — он просто нашел удобное место и погрузился в сон.

Шэн Цзяньвэй не стал его будить, а сам лег спать, ведь тот занимал лишь маленький уголок. Молодой господин даже любезно стянул одеяло, которое закрывало лицо Хуа Чжаошуя, чтобы тот мог дышать.

Хуа Чжаошуй почувствовал, что этот сон был особенно теплым. Он привык вставать рано, и, как только наступил рассвет, он проснулся. Подушка оказалась невероятно мягкой, и он медленно перевернулся, прежде чем встать.

Опираясь на кровать, он вдруг нащупал чью-то руку и от неожиданности замер. Прошло немало времени, прежде чем он вспомнил, где находится.

Тут его ждал новый шок: он провел всю ночь на кровати молодого господина!

Сердце Хуа Чжаошуя бешено забилося. Он решил, что, пока молодой господин не проснулся, нужно поскорее вернуться на свою постель на полу и сделать вид, что ничего не произошло.

Он уже начал осторожно сбрасывать одеяло, как вдруг его руку схватили, и кто-то с силой потянул его обратно.

— Куда это ты собрался так рано утром?

Хуа Чжаошуй замялся, смущенно поздоровался:

— Молодой господин... доброе утро.

— Да, утро действительно раннее, — прозвучал сонный и слегка раздраженный голос Шэн

Цзяньвэя. — Не нужно вставать так рано, мы успеем позже.

Хуа Чжаошуй кивнул, нервно пошевелился в его объятиях и с напряжением произнес:

— Молодой господин, я вчера... не специально остался, просто был слишком уставшим и не проснулся...

— Понял.

Услышав, что молодой господин, похоже, не сердится, Хуа Чжаошуй успокоился. Но, находясь в объятиях Шэн Цзяньвэя, он был настолько напряжен, что никак не мог снова уснуть. Однако он боялся пошевелиться, поэтому просто притворился подушкой.

Хуа Чжаошуй осторожно повернул голову и вдруг почувствовал что-то мягкое, похожее на подушку, на которой он спал всю ночь.

— Что это ты вертишься? Пытаешься воспользоваться моментом?

Хуа Чжаошуй тут же замер и наконец понял, что это за «мягкая подушка» была у него всю ночь.

— Молодой господин, — Хуа Чжаошуй попытался отодвинуться под одеялом, чтобы держаться подальше от молодого господина, и, чтобы скрыть свое смущение, начал оправдываться, но слова вышли не так, как он хотел. — Оказывается, грудные мышцы мягкие...

Сказав это, он тут же пожалел о своих словах и с криком нырнул под одеяло:

— Молодой господин, я не специально!

Когда этот молодой господин не носил доспехов и не был с мечом, он выглядел как обычный учёный, но кто бы мог подумать, что у него будут такие мышцы!

Чтобы успокоить себя, Хуа Чжаошуй про себя повторял: «Это не моя вина, это не моя вина».

Шэн Цзяньвэй наблюдал, как он прячется под одеялом и бормочет себе что-то, и со смехом сказал:

— Ты правда так переживаешь? Вчера ты спал довольно крепко, даже прижимался ко мне.

Хуа Чжаошуй все еще пытался стереть из памяти произошедшее, и, услышав его слова, не подумав, громко ответил из-под одеяла:

— Это не моя вина!

— Так это моя вина?

Хуа Чжаошуй еще больше пожалел о своих словах, но через некоторое время высунул голову из-под одеяла, показав только глаза, и тихо сказал:

— Молодой господин, я не это имел в виду.

Шэн Цзяньвэй не показал никакого недовольства, а, наоборот, взял его руку и положил на себя:

— Хочешь еще раз убедиться?

Хуа Чжаошуй поспешно отдернул руку:

— Нет... не надо.

Но, несмотря на слова, его рука словно сама собой потянулась к телу молодого господина, и он невольно схватил его пару раз. Хуа Чжаошуй был доволен, думая про себя: «Действительно мягкие!»

Шэн Цзяньвэй отпустил его руку:

— Если не спишь, вставай, уже почти рассвело.

Хуа Чжаошуй медленно убрал руку и тихо пробормотал:

— Это правда не моя вина.

Путешествие продолжалось без особых остановок, и через три дня они, наконец, добрались до городка Цайлянь. Их карета сменилась на лодку, которая медленно плыла по не очень широкой реке.

Хуа Чжаошуй был в восторге от всего и не хотел сидеть в каюте, поэтому вышел на палубу, чтобы полюбоваться пейзажем. Иногда он пытался заговорить с лодочником, но они не понимали друг друга, и ему пришлось вернуться в каюту, чтобы спросить совета у молодого господина.

Войдя, он увидел, что на столике перед Шэн Цзяньвэем сидела птица. Сначала он подумал, что это деревянная фигурка, но вдруг она наклонилась, чтобы почистить перья, и Хуа Чжаошуй от неожиданности чуть не упал.

Шэн Цзяньвэй, похоже, читал письмо, и Хуа Чжаошуй, хоть и был не самым сообразительным, понял, что стал свидетелем чего-то, связанного с делами молодого господина. Он быстро повернулся, не решаясь выйти или заговорить.

Через некоторое время он услышал звук удара бамбуковых трубок и шум крыльев птицы, но молодой господин его не позвал, и он остался стоять у двери, как статуя.

Наконец Шэн Цзяньвэй заговорил:

— Что ты там присел?

Хуа Чжаошуй медленно повернулся и увидел, что занавеска на другой стороне каюты еще колышется. Он подошел и сел напротив него:

— Молодой господин, я хотел спросить: это место называется Цайлянь, значит, здесь круглый год цветут лотосы?

Шэн Цзяньвэй ответил:

— Ни в одном месте лотосы не цветут круглый год.

Он вдруг замолчал, а затем улыбнулся:

— Хотя нет, есть одно место.

Хуа Чжаошуй с интересом посмотрел на него:

— Правда? Где это?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него с улыбкой:

— Трон бодхисаттвы Гуаньинь.

— Но это же лotosовый трон, а не настоящий лотос, — с разочарованием пробормотал Хуа Чжаошуй, а затем спросил. — Молодой господин, мы сегодня снова остановимся в гостинице?

Шэн Цзяньвэй наклонился и вышел из каюты:

— Сегодня мы не будем останавливаться в гостинице, нас ждут.

Хуа Чжаошуй последовал за ним и осторожно спросил:

— Молодой господин, я слышал, что здесь есть вкусное блюдо — цинтуань, говорят, это деликатес Цзяннаня. Оно здесь есть?

Шэн Цзяньвэй усмехнулся и обернулся к нему:

— Ты ничего не знаешь, но когда дело доходит до еды, ты сразу в курсе.

Хуа Чжаошуй привычно подлизал:

— Это все благодаря вам, молодой господин, я многому у вас научился.

За это время Хуа Чжаошуй заметил, что молодой господин редко на него сердится, и стал смелее. К тому же последние несколько дней он спал с ним в одной кровати, и, несмотря на то, что он ворочался во сне, молодой господин не выгнал его посреди ночи, что уже было проявлением великодушия — особенно по сравнению с его прежним поведением, когда он угрожал отрезать ему язык.

Лодка уже приближалась к берегу, и можно было увидеть девушек с корзинами, торгующих на ходу, и женщин, стирающих белье у реки.

Шэн Цзяньвэй вдруг сказал:

— Знаешь, куда мы сегодня отправимся?

Хуа Чжаошуй посмотрел на него:

— Не знаю.

— Я уже говорил, это дом самого богатого человека в Цзяннане, клана Сюй, — Шэн Цзяньвэй улыбнулся ему. — Они контролируют почти весь торговый рынок риса и муки в городе. Думаю, тебе не составит труда попробовать цинтуань.

— Они такие богатые! — Хуа Чжаошуй не мог сдержать удивления, а затем добавил. — Моя мама покупала рис и муку раз в полгода, и то только иногда. Мука такая дорогая, обычно мы ели сладкий картофель или картошку.

Он снова воскликнул:

— Неудивительно, что они такие богатые, если занимаются торговлей рисом и мукой!

Шэн Цзяньвэй бросил на него взгляд:

— Если бы ты ел только это, неудивительно, что у тебя нет ни грамма жира.

Хуа Чжаошуй оправдывался:

— Просто, когда я был в Западном саду, меня недокармливали. Но после того, как я попал к старшей госпоже, я стал хорошо питаться, а у вас и вовсе ем еще лучше.

<http://bllate.org/book/16756/1562789>